

К истории формирования населения Смоленского уезда в первой половине XVII в.

События Смуты начала XVII в., как известно, привели к запустению многих областей Русского государства и значительным перемещениям населения, в первую очередь, его наиболее многочисленного слоя - крестьянства. Эти явления наглядно проявились, в том числе, в западных областях, отошедших по Деулинскому перемирию к Речи Посполитой, и в частности на смоленских землях. В рамках «смоленских» земель в данном случае понимается преимущественно территория Смоленского уезда, а также соседних с ним Бельского, Рославского и Дорогобужского уездов, в Речи Посполитой вместе составлявших Смоленский повет, а позднее, собственно Смоленское воеводство.

Если в настоящее время наблюдается определенный интерес как отечественных, так и польских исследователей к изучению смоленской шляхты в XVII в. (С.В. Думин, Д.П. Шпиленко, А. Рахуба, А. Харатым и др.), то податное население Смоленщины данного периода фактически не становилось объектом специального изучения. Населению другого русского региона, отошедшего к Речи Посполитой - Чернигово-Северских земель – в данный период отводится значительное внимание в монографии украинского исследователя П. Кулаковского¹.

Источниками для изучения податного населения Смоленской земли в первой половине XVII в. выступают в свою очередь кадастровые и переписные материалы. Важнейший из них относится к самому концу изучаемого периода. Это книга пятерогубого подымного сбора Смоленского воеводства 1650 г., опубликованная в 2009 г. А. Рахубой и С. В. Думиным². Кроме того, это фрагментарно сохранившиеся материалы ревизии 1619 г., зафиксировавшей состояние земель до начала раздачи их новым владельцам. Отдельные данные о состоянии смоленских земель и их заселении можно получить из королевских привилеев и ряда других документов, связанных с пожалованием и оборотом земельных владений, отложившихся преимущественно в фондах Литовской метрики и Поместного приказа РГАДА. Ретроспективно могут быть привлечены материалы второй половины XVII в. – переписные книги 1665, 1668 г. и 1677/78 гг., разборные книги смоленских мещан 1679 г. Обоснованность привлечения последних видится в большей подробности отраженной в них информации при отсутствии в этот период принципиальной смены населения, несмотря на очередное разорение региона в период войны 1654-1667 гг.

Смена населения затронула фактически все слои смоленского общества. Хорошо изучено формирование нового слоя землевладельцев – смоленской шляхты. Основную часть ее к середине XVII столетия составили представители шляхетских родов Короны Польской, присутствовали также представители прибалтийско-немецкого дворянства, около 7,7% (по подсчетам А. Рахубы и С.В. Думина)³ составляли потомки московских землевладельцев, принявшие присягу Сигизмунду III (такие фамилии как, например, Лопатины, Лыкошины, Потемкины, Пушкины, Тютчевы, Рыковы, и др.). Следует отметить, что среди литовской шляхты, получившей земли в Смоленском повете, видимо, неслучайно оказался ряд потомков смоленских боярских родов, известных по актам Литовской метрики XV – начала XVI вв. (Баки, Вяжевичи, Глебовичи, Ильиничи, Путяты)⁴. После присоединения Смоленска к Речи Посполитой первоначально обсуждалась идея сохранения

¹ Кулаковский П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої 1618-1648. Київ, 2006. С. 246-340.

² *Metryka litewska: rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego: województwo smoleńskie 1650 r./ pod redakcją Andrzeja Rachuby; oprac. Stanisław Dumin i Andrzej Rachuba. Warszawa, 2009.*

³ Там же. Вступит. статья А. Рахубы. С. 39.

⁴ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. Прил. III. С. 268-287.

прав землевладельцев, бывших здесь до 1514 г., которая, возможно, в какой-то степени нашла свою реализацию⁵. Практически полностью, надо полагать, сменилось торгово-ремесленное городское население Смоленска, известное по ряду списков конца XVI – начала XVII вв. (крестоприводные книги 1597 г., ряд списков посадских людей и стрельцов из Шведского государственного архива). Сохранившиеся списки смоленских мещан послесмутного времени, такие, например, как список мещан, получивших земельные дачи, составленный в 1619 г.⁶ и разборные списки смоленских мещан 1679 г.⁷, демонстрируют преобладание лиц с прозвищами западнорусского или польского облика с католическими или общими для католиков, православных и униатов именами, иногда с указанием на белорусско-литовское происхождение (Marcin Luduk Wilencyk, Iakub Wilnowiec, Иван Мотвеев сын Менчук), реже встречаются люди с явными восточнославянскими именами и прозвищами (Chwiędor Aładcza, Siemion Demianowicz) присутствовали также явно идентифицируемые выходцы из Польши (Jan Sieradzanin, Трофим Мазовша), немцы (Edward Owembergier, Malcher z Kolna, Wilhelm Mord) и, вероятно, евреи (Dawid Żyd). Преимущественно белорусско-польский характер смоленского мещанства прослеживается и по материалам ландратской переписи 1719 г.⁸

Сложнее судить о формировании в этот период крестьянского населения Смоленщины. О состоянии сельских поселений в период непосредственно после окончания Смуты могут свидетельствовать материалы ревизии 1619 г. двух юго-западных станов Смоленского уезда – Молоховского и Дубровенского, сохранившиеся в фонде Коллегии эдукационного фондуша РГАДА⁹. Кроме того, ряд подобных данных содержится в ранних привелеях на земельные пожалования шляхте и некоторых других документах. Все эти данные говорят о практически полном разорении смоленских земель – абсолютное большинство деревень и починков стояли пустыми, церкви и помещичьи дворы были большей частью сожжены. Так, из 267 деревень и починков Молоховского стана, жители имелись лишь в 93 (34,8%), из 340 деревень и починков Дубровенского стана – в 52 (15,3%). В ревизии зафиксировано также количество крестьян, живших в деревнях и починках «перед тем» (возможно, эти данные были почерпнуты из не дошедших до нас русских писцовых материалов). В Молоховском стане на 1619 г. насчитывалось 165 живущих крестьян-дворовладельцев, что составляло 21% из бывших «перед тем» (787), в Дубровенском – 103 из 1228 (8,4%) (в это же число включены «огородники», соответствующие «задворным» или «деловым людям» в русской терминологии). Большое запустение Дубровенского стана в сравнении с Молоховским может объясняться тем, что через него проходила важнейшая стратегическая дорога, связывающая Смоленск с Дубровной и Оршей. Запустение территорий, надо полагать, в значительной мере было обусловлено бегством крестьян в другие районы. Одним из этих направлений, по-видимому, были внутренние области Русского государства и Речи Посполитой. Кроме того, как не странно, бывшие жители Смоленщины принимают довольно активное участие в колонизации отошедших к Речи Посполитой Чернигово-Северских земель, первоначально также вошедших в состав Смоленского воеводства. Так, по данным, введенным в научный оборот П. Кулаковским и А.С. Ракитиным (РГАДА), выходцы со Смоленщины стабильно присутствовали в составе полоняников, захваченных в городах Чернигово-Северщины во время Смоленской войны 1632-1634 гг.¹⁰

⁵ Метрыка ... Вступит. статья. С. 8.

⁶ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 8. Е.х. 19. Лл. 33 об. – 35.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Смоленский уезд. Е.х. 15170. Лл. 525-561.

⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. № 372.

⁹ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 8. Е.х. 19. Лл. 6-32.

¹⁰ Кулаковский П. Ук.соч. Прил. 10. С. 437. Ракитин А.С. Роспись полоняников, взятых рылянами во время Северского похода 1632-1634 гг.//Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.). Рыльск, 2012. С. 43.

В то же время, в середине – второй половине XVII в., несмотря на прошедшие войны 1632-1634 и 1654-1667 гг., Смоленский уезд оказывается достаточно плотно заселенным. Вряд ли это вторичное заселение можно объяснить исключительно самовоспроизводством довольно немногочисленного оставшегося после Смуты населения. Очевидно, раздача земель шляхте сопровождалась их колонизацией. В книге подымного пятерогубого сбора 1650 г. фигурирует довольно многочисленная категория «слободчиков», т.е. недавних поселенцев, имевших определенные податные льготы. В русском переводе книги, сделанном в 1673 г., отмечается, что слободчиками назывались лица «не отжившие» на новом месте трех лет¹¹. По данным книги, в земельных владениях урядников (чиновников) Смоленского воеводства число дворов слободчиков составляло 1194 из 10367 (11%, считая за целое общее количество дворов «жилых», слободчиков и «огородников»). Среди земель прочих владельцев (кроме городов) это соотношение составляло 1101 из 5971 (18,4%). Общая доля дворов слободчиков в Смоленском воеводстве в составе четырех уездов, на 1650 г. составляла, таким образом, 14% (2295 из 16338). Надо полагать, что слободчики на смоленских землях не появились впервые в 1647 г. Таким образом, эти данные могут свидетельствовать о темпах колонизации Смоленщины.

К сожалению, данных о том, откуда происходила колонизация крестьянами смоленских земель, крайне мало. Логично предположить, что в основном колонизационный поток шел с территории Речи Посполитой. Единственный документ, содержащий прямую информацию по этому вопросу, удалось обнаружить в столбцах Поместного приказа по Смоленскому уезду. Это список с купчей 1645 г. шляхтича Данилы Легезы у калауза¹² замка Смоленского Григория Лядомского на 4 волюки на урочище Церквищи Киселевы на р. Ухине (Уфинье) в Дубровенском стане Смоленского уезда. Г. Лядомский подробно описал обстоятельства возникновения слободы и изменение положения поселенцев: «по экспедиции военной в року тысяча шестсот тридцать пятого осели на слободе през лет осмь были, а потом чрез лет колко на окладе будучы, платить повинность великую полнили» и перечислил их поименно, указав место их происхождения. Из четырех слобожан-дворовладельцев двое были «родом з Оршы», один «з Лукомли» и еще один – «з Лукомщызны»¹³.

Кроме того, следует отметить, что позднейшая переписная книга Данила Чернцова 1668 г. в некоторых случаях фиксирует среди крестьян и бобылей Дубровенского стана Смоленского уезда людей с явно католическими именами: так, в селе Буянове дворцовой Красненской волости отмечены бобыль Фомка Хриштопов¹⁴, крестьянин Артюшка Кашпиров сын Земец¹⁵; в селе (бывшем местечке) Зверовичах проживали бобыли Хриштопко Андреев сын Коваль¹⁶, Федька Криштофоров сын Пузырев¹⁷; Адамко Михайлов сын Рукля¹⁸; в деревне Дудове – крестьянин Купряшка Войтехов¹⁹, в деревне – Маркове – бобыль Войтешко Севрюков²⁰, в деревне Нейково – бобыль Адамко Григорьев сын Воронко²¹, у крестьянина д. Литвиново Петрушки Иевлева сына Заоблоцкого имелся сын Казимерко²² и т.п. Некоторые крестьяне имели прозвища, отражающие территориальное происхождение: так, в деревне Василевичи той же Красненской волости

¹¹ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 1. Л. 46 об.

¹² Калауз (тюркск. «проводник») – должность, примерно соответствующая должности вожа в Русском государстве.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Стб/Смоленск. Е.х. 39065 ч. 2/17. Л. 40.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Е.х. 15154. Л. 26 об.

¹⁵ Там же. Л. 28.

¹⁶ Там же. Л. 45 об.

¹⁷ Там же. Л. 46.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 65 об.

²⁰ Там же. Л. 71.

²¹ Там же. Л. 87.

²² Там же. Л. 98.

проживали крестьянин Левка Степанов сын Пенчюк²³ и бобыль Якушко Ларионов сын Пинчюков²⁴, в деревне Терехове – крестьянин Кирюшка Алексеев сын Шкловлянин²⁵, в деревне Яново – подсоседник бобыль Федька Могилевец²⁶, в селе (бывшем местечке) Жорновках – бобыль Стенка Васильев сын Менчюк²⁷; в селе (бывшем местечке) Досугове Молоховского стана – мещанин Васька Григорьев сын Шкловченко²⁸, здесь же у мещанина Демидки Фомина проживал захребетник Ивашко Талачинец²⁹, а также мещанин Куземка Магилевец³⁰, в деревне Мочулово Максимовского стана – крестьянин Микитка Мстиславец³¹; в селе Духовщина Бойгородского стана – бобыль Никишка Дубровленин резник³². Некоторые «территориальные» прозвища связаны с внутренними районами Русского государства: например, в деревне Ковшичи Красненской волости проживал крестьянин Стенка Анисимов сын Можайской³³.

Некоторые другие отрывочные данные о поселенцах Смоленщины первой половины XVII в. также говорят о их происхождении из относительно соседних с ней белорусских земель. Так, в частности, бежавший в Москву в 1629 г. казак Рославского замка Никита Берников, по происхождению был «белорусец из Копыси, сын мещанский»³⁴.

Смена населения Смоленщины в рассматриваемый период также могла бы быть также прослежена по данным археологии. К сожалению, слои XVII в. в г. Смоленске в значительной степени нарушены, а сельская археология позднего средневековья – раннего Нового времени в данном регионе находится на начальном этапе своего развития. В то же время опыт изучения коллекций керамики из городских раскопок в Смоленске в собраниях ГИМ и Смоленского объединенного музея-заповедника, а также проведенных автором археологических исследований поселений Глушица 1 и Глушица 2 в окрестностях д. Боровая Смоленского района, поздний период существования которых соответствует фольварку, а позднее местечку Глушице, существовавшему в 1620-х – 1650-х гг., и являвшемуся центром одной из «маетностей» Александра, а позднее его сына Винцентия Корвин-Гонсевских, позволяет сделать предварительный вывод об отсутствии прямой преемственности в керамической традиции Смоленска и его окрестностей в XVII в. с периодом XV-XVI вв., характеризующимся в этом отношении определенным единством традиции производства бытовой посуды. Кроме того, ряд характерных форм бытовой посуды Глушицы находит близкие аналогии с керамикой белорусских городов, и в частности Витебска XVII-XVIII вв.

Таким образом, можно констатировать, что разорение смоленских земель в эпоху Смуты привело к существенной смене населения региона. При сохранении определенной, довольно небольшой части населения, обитавшей здесь до Смуты, повторное заселение смоленских земель осуществили преимущественно выходцы из соседних районов северной и восточной частей современной Белоруссии. Безусловно, эти новые поселенцы были достаточно близки по своим обычаям, языку и культуре к прежнему населению смоленских земель, принадлежа к единому древнему смоленско-полоцкому региону, возможно, среди них могли быть сами прежние жители Смоленщины, бежавшие отсюда во время Смуты. Тем не менее, население центральных и

---

²³ Там же. Л. 67.

²⁴ Там же. Л. 67 об.

²⁵ Там же. Л. 78 об.

²⁶ Там же. Л. 98.

²⁷ Там же. Л. 104 об.

²⁸ Там же. Л. 118 об.

²⁹ Там же. Л. 125 об.

³⁰ Там же. Л. 129.

³¹ Там же. Л. 142 об.

³² Там же. Л. 250 об.

³³ Там же. Л. 80 об.

³⁴ Метрыка ... Вступит. статья. С. 15

западных районов современной Смоленской области, сложившееся в XVII в., не имело прямой преемственности с населением, существовавшим здесь до Смутного времени